

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие авторы сегодня считают дурным тоном писать предисловия. Это их право. Я пишу предисловия, во-первых, потому, что умею, и во-вторых — из уважения к читателям. В связи с публикацией первого романа тетралогии «Добро-нега» у многих читателей возникло множество разных вопросов по поводу историчности, аутентичности, реальности некоторых моментов книги. Также веселое недоумение вызвал один из основных героев, чья биография более или менее совпадает с биографией легендарного Ильи Муромца. Мол, почему он такой получился в тетралогии, с чего бы это.

На этот вопрос однозначного ответа у меня нет, а есть несколько приблизительных. К примеру, будучи обстоятельным рассказчиком, я не считаю, что история русского государства — цирк диковатый или болото скучное. Безусловно, драки с последователями Чингисхана на протяжении почти трех веков даром не проходят, и величественная и утонченная Ярославова культура вынужденно упростилась (в летописном смысле), а уж собственно в былинах образы героев огрубели в угоду — не хранителям национальных ценностей, увы, но людям, которые до сих пор обижаются, когда их называют мещанами. Образ Ильи видоизменился, очевидно, очень серьезно, пострадал даже больше, чем образ Алеши Поповича (тоже фигурирующего в тетралогии). И вместо красы и гордости нации, человека строгих принципов и интересных воззрений, предстает нам в былинном исполнении неотесанный хамоватый забияка, «деревенщина», обидчивый, недалекий, да к тому ж и жестокий не в меру. И при этом он запросто вхож в княжеский терем, и отношения у него с киев-

ской аристократией на равных. Такие вот нестыковки. То есть накипь, потакание низменным вкусам. Единственная аутентичная черта, которую чудом пощадили ревизионисты былин — барственная капризность Ильи. В этой капризности чувствуется правдивая нота, а только — «деревенщина» капризной, да еще и барственной, быть — ну никак не может! Поэтому, убрав ревизионистскую накипь, я... хмм... ну, скажем, реабилитировал образ народного героя, выписал Илью таким, каким он... ну, скажем... *не мог не быть*.

Теперь — к делу.

В истории Русского государства есть на сегодняшний день три блистательные эпохи — эпоха Русского Просвещения (время, когда Российской империю именовали «жандармом Европы»), то есть признавали за ней статус сверхдержавы во времена, когда сверхдержав еще не существовало), эпоха Петра Великого (когда неумный властитель единым рывком вывел страну из восточной статичности, тягучего, скучного наследия драк с чингисханианцами, на передовые позиции цивилизации) и эпоха Ярослава Мудрого (когда, объединив север и юг славянских территорий, великий князь сделал Русь самым ярким, самым цивилизованным государством мира, единственным лучом света в скучном мраке раннего Средневековья).

Русский климат не располагает к тщательному сохранению архивов. Еще меньше к их сохранению располагают систематические набеги диких племен с востока. Редкие же иностранные источники Средневековья неадекватны в силу вышеупомянутого мрака. Иначе как чудом сохранение сведений, годных для составления общей картины эпохи Ярослава, назвать нельзя.

Воздав должное Киеву в «Добронеге», я понял, что временной скачок в повествовании на полтора десятка лет вперед невозможен без полноценного, панорамного освещения северной столицы — Новгорода. События, произошедшие в Новгороде во времена посадничества Ярослава, настолько грандиозны, неоднозначны, увлекательны, что упустить их из виду значило бы поставить чи-

тателя в тупик, а этого делать нельзя. Поэтому действие данного, второго, романа тетралогии происходит приблизительно через шесть месяцев после финала «Добронеги».

События, о которых идет речь в данном романе, имеют детективную окраску, и, чтобы определиться с задачей, я условно назвал их «Дело убийства Рагнвальда» и «Дело четырехсот мужей». летописные сведения об этих событиях, используемые историками в монографиях, настолько скудны, что все изыски по этому поводу можно определить как «вилами по воде». Что же делать?

Стал я искать архивные записи. Всякий добросовестный рассказчик знает, что многие сведения отбрасываются историками просто потому, что не вписываются в сегодняшнюю «парадигму» института историков. Так было всегда — и даже Трюю открыли вопреки этой самой парадигме. Проведя много времени в архивах, наткнулся я наконец на копию некоей «Евлампиевой летописи». Название меня насторожило. То, что на месте Евлампиева Круга должна была быть возведена церковь, помнят все, читавшие «Добронегу». А вот то, что такая церковь действительно была возведена — я не знал. И с энтузиазмом взялся за изучение этой летописи.

И ужасно обрадовался, когда на первых же ее страницах обнаружил упоминание «Рагнвальда, повелителя Ладоги, которого убил торговец», а еще через несколько страниц — сведения о «четырехстах заговорщиках и двадцати волхвах», кои сведения разительно отличаются от того, что сказано о «четырехстах лучших мужах» в «Повести временных лет».

Но одно дело — сюжетные линии, тайны, приключения, магия и прочее, и совсем другое — участие в повествовании основных героев тетралогии. Ведь именно их глазами видит читатель происходящее, именно им сопереживает! Нужна была зацепка для ввода их, героев, в действие. Радости моей не было границ, когда, едва дойдя до середины летописи, я наскочил на знакомые имена — «Житник», «Гостемил», а также аккуратно выведенное ла-

тинскими буквами имя «Hegle». А уж кто такой «Ликург», долгое время притворявшийся княжеским казначеем, понять не составило труда.

С дамами вышла, правда, путаница. Сама Добронега побывала во время, описываемое в романе, в Новгороде (и, разумеется, не в туристических целях), но Эржбета ее туда, судя по всему, не сопровождала. В то же время, согласно летописи, в «деле четырехсот мужей» принимала участие некая «Алин-лучница, на двести шагов стрелой в пуп супостату попадающая». Поразмыслив, решил я, что наличие сразу двух таких умелых женщин в одну эпоху и в тех же местах невозможно. Тем более что Алин-лучница эта упомянута в летописи как «одновременно сестра и жена Ликурга злобного», а греческие биографы Ликургуса описывают его жизнь достаточно подробно вплоть до отбытия героя на поиски Грааля и ни о каких сестрах или женах по имени Алин не упоминают.

Надеюсь, что мне удалось в этом коротком предисловии ответить на основные вопросы читателей, связанные с тетралогией. Добро пожаловать в Новгород! На дворе — начало одиннадцатого века.

В. Романовский

Брат и сестра

Болярин Нещук, молодой и деятельный, явился в детинец в компании двух стражников. Стражники сопровождали его на тот случай, если Нещук вдруг вспомнит о каких-нибудь неотложных делах и задумает повременить с визитом, а то и вовсе забудет — люди бывают порою так рассеянны!

В детинце его препроводили в недавно реконструированный терем и ввели в гридницу, где на столе вместо яств и вин лежали хартии, письма на бересте, грамоты, фолианты и прочая дребедень, а на полированном скамье сидел какой-то рыжий тип в богатом киевского покроя платье и рассматривал фолиант в кожаном переплете. Нещук, человек неглупый, сразу смекнул, что тип этот не прост и занимает какое-то важное положение при посаднике.

— Ты — Нещук, болярин из рода Котова, проживающий в Ремеслах? — спросил тип, не вставая.

— Да, это именно я, — с достоинством откликнулся Нещук. — С кем имею честь и хвоеволие?

— Служитель княжеской казны, именем Яван, — ответил тип.

— Яван? Говоришь ты странно, Яван. Вроде так ковши говорят, — с наигранным недоумением заметил Нещук.

— Да, — подтвердил Яван.

Он кивнул ратникам, и они удалились.

— Ну, это не беда, Яван, — сказал Нещук, внимательно изучая собеседника. — Не все ковши твари продажные, я и порядочных встречал.

— Ничего удивительного, — согласился Яван.

— Есть, правда, в Киеве такие... эта... печенег, — сказал Нещук, стараясь вызвать Явана на доверительный дружеский разговор. — Я вижу, ты не из них. По секрету

скажу тебе — такой народ противный! Я, когда был в Киеве, имел возможность любоваться. Дикие они, а позволено им многое.

— Ты прав, — снова согласился Яван, откладывая фолиант в сторону и, в свою очередь, внимательно изучая Нещука. — Нет, я не из них. Я из межей.

— Межей? Это кто же такие?

— Это вроде иудеи.

— Иудеи? — протянул Нещук. — Это как же?

— В Библии упоминаются.

— А, да? Древний какой-нибудь народ?

— Относительно, — сказал Яван. — Есть и древнее. Я, впрочем, не знаток. Но, говорят, они составили заговор и владеют всем миром.

Нещук очень натурально удивился.

— Правда, что ли?

— Не знаю точно, но похоже на то, — сказал Яван неопределенным тоном. — Впрочем, это совершенно не относится к нашему с тобою теперешнему делу. Не от их имени говорю я с тобою, боярин, а от имени князя.

— Киевского?

— Нет, зачем же. Новгородского. Власть Киева на Новгород ведь более не распространяется, не так ли?

— Да, то есть нет, — сказал Нещук. — И это, наверное, хорошо.

— Это не мое дело, — сказал Яван. — Мое дело — следить.

— Ага, — осторожно сказал Нещук. — Это тоже хорошо. У нас есть тут за кем последить. Такой, знаешь, народ кругом... Ты, значит, спьен княжеский?

— Нет, — сказал Яван. — Что ты, что ты. Вовсе я не спьен. Я слежу, чтобы в делах денежных, к которым по глубокому общественному убеждению род и народ мой имеют склонность, порядок был в пользу князя.

— О, — уважительно сказал Нещук. — И как же ты за этим следишь, Яван?

— Разбираю письма да грамоты, считаю дань, смотрю, не обманывает ли кто князя, — объяснил Яван. — И если вижу, что обманывают, докладываю князю, а он наказание назначает.

— Да, это важная работа, — сказал Нещук. — Такие, как ты, нам очень нужны, очень. А то ведь люди, ежели за ними не следить, обманывать любят.

— И князь думает так же, — заверил его Яван. — Но что-то сложно у вас тут все, в Новгороде, по правде сказать. Вот если бы я киевскому князю служил, все было бы проще. Посоветовал бы ему взять под стражу всех межей, и дело с концом. Оно, конечно, не все межи у князя воруют, и не все, ворующие у князя, — межи. Но все-таки. А в Новгороде труднее, ибо межей нет. Как тут узнать, кто ворует? Вот и приходится письма корявые разбирать. К примеру, вот в этой самой грамоте написано, что некий боярин Нещук освобожден от дани на год, ибо строит он укрепления.

— Так и написано? — спросил Нещук.

— Да, представь себе. Позволь у тебя спросить, где именно ты их строишь, эти укрепления.

— Э... где?

— Да. Где.

— Ну, как. На окраине. Там, где стена. Сразу за нею.

— Это хорошо.

— Да?

— Еще бы! Вот если бы ты их строил где-нибудь в Литве, так какая от этого князю польза?

— Никакой.

— Вот именно! Наоборот, вред был бы великий, потому что их тогда литовцы бы использовали. Против князя.

— Да.

— А ты строишь на окраине. На какой именно, позволь спросить?

— Ну, на какой ... всего не упомнишь.

— А ты постарайся.

— Ну вроде бы возле Кулачного Конца.

— Да? Странно.

— Зачем же странно?

— А вот тут написано, что ты собирался строить укрепления у Черешенного Бугра.

— А! Точно, точно. Это я перепутал. Теперь вспомнил. Именно там и строю.

- А это еще более странно.
- Почему же?
- Я туда вчера ходил. К Черешенному Бугру.
- Зачем?
- Я там прогуливался.
- Почему же именно там? Разве уж не стало в Новгороде приятных мест?
- Знаешь, есть приятные. Совершенно с тобою согласен. Но иногда мне что-то в голову взбредет, так хоть кисель не варись — должен исполнить. Такой я человек. Ночей не буду спать, если не исполню.
- Ага. Не ограбили тебя там? Там лихих людей много.
- Я об этом подумал. Потому и взял с собою десять ратников.
- Десять! Сколько хлопот из-за одной прогулки!
- Зато какие результаты!
- Какие же?
- Девушка, с которой я там гулял, очень впечатлилась. Ее теперь можно голыми руками брать. Вся моя.
- Да? Интересно. Что же ее впечатлило до такой ослабленной степени?
- А удивилась она. Идет и говорит — Яван, говорит, а где же укрепления, ведь ты мне обещал показать укрепления! А я ей — они пали от одного взгляда прекрасных глаз твоих. А ей такого никто раньше не говорил.
- Да, действительно сильно. Надо запомнить.
- А ты все-таки скажи, почему не строятся укрепления?
- Я, Яван, не знаю почему. Я думал — строятся. Распустились работники, вот что. Ну да я скоро там порядок наведу. Уж это точно.
- Нет, не нужно.
- Почему же? Раз обещал, надо делать. Я от своих обещаний никогда не отступаю.
- Это делает тебе честь. Однако дань придется заплатить, и виру еще.
- Дань? И виру?
- Всю дань за прошлый год. И виру за неуплату.
- Послушай, Яван. Ты ведь человек добрый и честный.

— По-разному. От обстоятельств зависит.

— Но ты ведь не чужд содействию за вознаграждение?

— Что ты, конечно не чужд.

— Ну вот и славно. Сорок гривен ты свои получишь.

Завтра же.

— За что же это?

— За то, что скажешь князю, что укрепления строятся. А я уж не подведу — скоро начну их строить.

— Да? Хмм. А как зовут зодчего, который будет их строить? У тебя есть кто на примете?

— Конечно. Зодчий Лапа.

— Не могу.

— Что не можешь?

— Сказать так князю. Не могу. Позавчера я был у зодчего Лапы, и он мне сказал по очень большому секрету, что получил от тебя вознаграждение за содействие в размере пятидесяти гривен.

— Хорошо, я дам тебе шестьдесят.

— Нет, не надо. Лучше дай князю триста восемьдесят.

Дань триста сорок, и сорок гривен виры. Награди князя, и он тебе посодействует. Прибавь к этим деньгам еще сорок за церкву.

— За церкву?

— Тут есть запись, что ты пожертвовал двадцать четыре гривны на строительство церкви. На самом деле дьякон Афанасий получил от тебя десять гривен. И написал князю, что церква строится.

— Афанасий врет.

— Я тоже так думаю. Я думаю, он получил от тебя не десять гривен, а больше. Вчера его взяли под стражу, а на его место назначили другого дьякона. Он произвел проверку и сказал, что даже котлован для фундамента не начали еще копать.

— Попы вечно все путают. И то сказать — греки. Кто их знает, что они говорят. Я мог дьякона как-то не так понять. Я не знаю греческого.

— Оно так, но я-то знаю греческий, — сказал Яван. — Дьякон сказал, что ты хороший человек. Так вот, даю тебе, хороший человек, три дня сроку. Принеси, Нещук, всю

сумму сюда, я выпишу тебе расписку, и содействие князя будет так велико, что он с большой радостью в сердце своем возьмет да и не посадит тебя в темницу на три года.

— Ты не забывайся, Яван, — сказал Нещук строго. — Ты не балуй словесно без повода. Кто ты такой! И кто я. Я вот сейчас пойду и пожалуюсь болярину Паршу.

— Это хорошая мысль. Так и сделай.

— Он не допустит, чтобы честные землевладельцы терпели обиды в детинце, оскорбления от... кто ты такой, говоришь?..

— От межа.

— Вот. От межа. Который к тому же ковш.

— Конечно, не допустит. Как, например, неделю назад он не допустил, чтобы я его оскорблял. Не допущу, говорит.

— Вот видишь!

— И заплатил все до последней сапы, предупреждая оскорбления. Четыреста восемьдесят гривен. Из них пятьдесят — серебром, новой чеканки, с портретом князя нашего.

— Он... заплатил?

— Да.

— Он был должен?

— Он сказал, что в этом году у него на полях ничего не выросло, а в лесах ничего не водится. Как и в озере. И нужно восстанавливать хозяйство.

— И что же?

— Я послал человека посмотреть и, может быть, помочь советом. Сделать так, чтобы росло и водилось. Человек обнаружил, что добрый Парш ошибся. И растет, и водится, и дань собирается исправно. У Парша было всего лишь предубеждение противу уплаты князю княжеской доли. Но оно быстро прошло, это предубеждение. Три дня, Нещук.

* * *

В глубокой задумчивости Нещук вернулся домой. Денег, каких требовал Яван, дома не было. Времени, чтобы послать людей собрать со смердов дань, тоже. Следовало одалживать, возможно под большой надстрой.

— Кедр! — крикнул Нещук.

Опрятный холоп, служивший в доме экономом, вошел и поклонился.

— Сестренка твоя хочет тебя видеть, боярин, — сказал он.

— Какая сестренка?

— Известно какая. Какая в отъезде была. А нынче вернулась.

— А, да? Ну, леший с ней. Не до нее сейчас. Беги к Вострухину Мельнику, проси у него двести гривен. Под любой надстрой. Потом к Бескану, проси триста. И для ровного счета к Бажену, у него возьмешь еще двести.

— Бажен в отъезде.

— Да? Ах ты, хорла, как некстати. Проси у Бескана пятьсот. Может, у сестры деньги есть? Муж ее... Впрочем, ладно. Беги к Бескану, а сестру пригласи сюда. Вот, пожалуйста, съездил князь наш замечательный к ковшам, научили его ковши, как людей приличных обирать.

Кедр поклонился и вышел. Через некоторое время в гридницу вошла сестра Нещука, именем Любава. Одета она была так, что Нещук поднял удивленно брови, несмотря на то что отличался хорошими манерами и обычно не допускал чрезмерно выразительной мимики. Вся одежда на сестре была с чужого плеча — и рубаха, и понева, и... Волосы странно как-то уложены. Э, да она ж в лаптях! Ну и ну.

— С возвращением, сестренка, — сказал Нещук.

— Здравствуй, брат. Ты не возражаешь, я присяду? Очень устала.

— Садись, обязательно садись, — сказал Нещук. — Что нового? Как путешествовали?

— Муж мой погиб, — сказала она.

— Вот как!.. Мир его праху. А что случилось?

— Я не хочу сейчас об этом говорить, брат мой.

Как-то даже неудобно заводить разговор о деньгах, подумал Нещук. Что же делать? Судя по виду, у нее нет ничего. Муж погиб, надо же. Канул в Лету и, видимо, вместе с деньгами.

— Устала я, Нещук, устала. Вернулась я вчера, а сегодня меня выгнали из дома.

— Как! — сказал Нещук. — Какого дома? Твоего собственного?

— Да.

— Кто?

— Новые жильцы. Просто выставили за дверь. И вот, видишь ли, я здесь вся, в чем есть.

— Это невежливо!

— Да.

— Это просто свинство. Как! Хозяйку дома! До чего мы погрязли в варварстве! Нет, все-таки Новгород — слишком северный город. Никогда здесь не будет ни хороших манер, ни порядочных отношений между людьми. Какие-то разбогатевшие смерды небось?

— Возможно. Они мне не сказали, кто они.

— Я этого так не оставляю. Я пойду к князю, сестра! Нет уж, это им придется забыть. Распустились!

— Нещук, брат мой, — сказала Любава. — Мне неудобно тебя об этом просить, но мне нужны деньги.

— Да, я понимаю, — ответил он, умеряя пыл. — Да, сестренка. Ты подожди немного только. Недели через две я смогу тебе дать денег. Не много, но смогу.

— Мне нужно сейчас.

— Сейчас? Очень жаль. Очень, очень. Сейчас — такое положение, сестра... тут ко мне давеча приходили двое... Любо-дорого... видела бы ты... водили меня в детинец. Три дня сроку дали собрать нужную сумму, а иначе плохо будет. Эх! Приехала бы ты на неделю раньше.

— Тогда, если ты не можешь дать мне денег...

— И хотел бы, сестра. Ты знаешь, семейные связи в нашем роду крепки, на них все и держится. Но не могу я сейчас.

— Тогда позволь мне у тебя немного пожить, совсем недолго. Мне некуда больше пойти.

— Ах, сестра, как можешь ты так говорить! Некуда пойти! Столько друзей, столько хороших знакомых! Да от тебя в этом городе все без ума! Ты, сестра, в завидном положении по сравнению со мною! Нет-нет, я нисколько не умаляю твое горе. Но пойми — это *мне* некуда пойти. Не сегодня завтра явится стража, и у меня отнимут дом и да-

же носильную одежду. Безделушки, фамильное золото — все. Я не могу поставить тебя в такое положение, чтобы вдруг, пришедши за мною, стража нашла бы заодно и тебя и чтобы мой позор тебя коснулся! Нет-нет. Нельзя. Береги честь семьи, сестра. Пойди к подругам. О, богиня луны, да всякий в этом городе почтет за честь предоставить тебе дом и стол. А я — всего лишь бедный гонимый должник. Сегодня я еще похож на себя вчерашнего — беззаботного, легкомысленного, веселого, а завтра я буду укуп презренный, и, поскольку я ровно ничего не умею, кроме как тратить со вкусом деньги, меня по истечении срока отдадут в холопы и будут пороть кнутом. И буду я где-нибудь прислуживать, пригибаясь, в каком-нибудь доме, обитатели которого еще вчера считали за честь поклониться мне на улице и осведомиться о состоянии моего здоровья. Как преходяще всё, как зыбко, сестра!

— Я пойду к князю, — сказала она.

— Не думаю, что он тебя примет. Иди лучше к друзьям — хоть к своим, хоть твоего бедного мужа. Тебе везде будут рады. А мне нужно заняться делами, сестра. Может, что-то еще и удастся спасти. Вот какие мы с тобою несчастные, сестренка, — мы, чьи предки породнились с Хельей Псковитянкой! Как несправедливо это, как несправедливо! Ты, как найдешь себе угол, дай мне знать тотчас же, потому как, кто знает, возможно, очень скоро тебе придется потесниться, чтобы и мне там место нашлось. Как мы несчастны!

ГЛАВА 2

У Житника

Было далеко за полдень, день теплый, и то хорошо. Любава подумала — а не снять ли лапти? Босая болярыня все-таки как-то приличнее, чем болярыня в лаптях. Но не сняла.

Стража не хотела пускать оборванку в детинец, но проходивший случайно мимо сотенный узнал Любаву, поклонился, велел молодцам расступиться и некоторое

время пристально смотрел ей вслед. В княжеском тереме она по привычке сказала, что ей нужно видеть посадника, и ее привели в занималовку, но вместо Ярослава, который отсутствовал, в занималовке ее встретил Житник. Этого Любава не ожидала и растерялась.

— О, кто к нам пришел! — Житник, сияя улыбкой, поднялся из-за стола. — Горясер, выйди, я с тобой потом договорю.

Маленький юркий человек поспешно вышел, успев тем не менее смерить Любаву насмешливым взглядом.

— Это как же! — сказал Житник сочувственно, когда они остались одни. — Ты — и в таком виде.

— Я хотела... говорить с князем.

— Это все равно. Чем я хуже князя. У тебя к нему дело — скажи какое, может, я смогу помочь чем-нибудь прежде, чем князь.

— Нет, я...

— А даже если ты увидишь князя, все равно ведь, если нужно что-то делать, придется делать мне. Князь не занимается делами.

Она молча смотрела на него. Он изменился — в лучшую ли сторону, в худшую ли — понять было трудно. А вдруг поможет?

— Муж мой... — начала она.

— Да, я слышал.

Она не спросила где и от кого.

— А я вчера только приехала. А сегодня у меня нет ни жилья, ни денег. И я хотела взять у князя займы.

— Займы? — Житник улыбнулся. — Князь занимается ростовщичеством? Вот уж не знал.

— Я отдам, и очень скоро.

— Не думаю. Скажи, Любава, брат твой тебе не помог?

Она промолчала.

— Значит, не помог. Редкостная сволочь у тебя брат. Вообще-то с деньгами в городе плохо. То, что не прибрал к рукам строитель Детин, истратили на наемников, казна пуста. У меня, правда, есть свои сбережения. И я бы мог с тобою поделиться.

Она снова промолчала.

— Но сперва выслушай меня, Любава.

Большого роста, плотно сбитый, с мрачно смотрящими глазами, в богатой одежде, которая ему совершенно не шла, Житник присел на край стола, тяжело глядя на Любаву.

— Помнишь ли, болярыня, пять лет назад мы виделись в Снепелицу. Хорошее было время. Я подошел к тебе, поклонился и предложил — всего лишь — погулять со мною по берегу. Я не просил большего, а одна вечерняя прогулка — это совсем немного, болярыня.

Любава смотрела в пол, не смея поднять глаза.

— И что же? — сказал Житник, глядя с неприязнью на ее опущенную голову, на ссутулившиеся плечи, на ноги в лаптях. Неприятная улыбка играла у него на лице. — Меня одарили надменным взглядом и холодно сказали: «Как-нибудь в другой раз». О, болярыня, какие замечательные слова!

Сколько в них глубинного смысла, хотел сказать он, но не сказал, сколько презрения и сколько страданий человеческих они помнят! «Как-нибудь в другой раз» — живут слова эти своей жизнью, известны всем народам, с очень давних времен. Они, слова эти, помнят отчаяние жаждущего, которому не управились подать воды; бесильную ярость радетеля, пришедшего попросить князя о милости и пользе народной; обреченный вздох миссионера, которого не пожелали слушать; слезы зодчего, вынужденного из-за нехватки средств бросить строительство на половине; равнодушие правосудия; надменность вышестоящих, к которым обратилась поруганная девушка. Эти слова вовсе не означают — пошел вон, подлец. О нет! Они означают — ты настолько мелок, что такие, как я, «пошел вон» тебе не скажут, у них дела и заботы поважней. Не говорят червям «пошел вон!».

Некоторое время он молчал, и она не смела нарушить молчание. Суровый взгляд, суровые слова — будто ждал он этого момента, будто готовился и точно знал, когда и зачем она к нему придет.

— Я, болярыня, был тогда молод, у меня была нежная кожа, и твое «как-нибудь в другой раз» ранило меня глаубоко. — Запало ядовитой расплзающейся каплей в душу, подумал он. — И вот ты стоишь передо мной. Посмотри на меня.

Она подняла голову и посмотрела на него.

— Стоишь ты передо мной, и мне тебя не жаль.

Он все еще улыбался неприятной улыбкой. Она хотела уйти, но он остановил ее.

— Знай, болярыня, — сказал он тихо, — никто в городе этом не протянет тебе руку помощи. Никто не даст тебе кров, никто не оденет и не обогреет. Будешь ты спать под открытым небом, благо сейчас тепло. Будешь ты мыкаться пешком по неприветливым улицам. Ибо этот твой «другой раз» настал.

Она попыталась вырваться, но он держал ее за плечо, без видимых усилий, но крепко. Хватка у него была стальная.

— И пройдет неделя, болярыня, и снова ты придешь ко мне. И, собрав воедино то, что осталось у меня от добрых к тебе чувств, так и быть, устрою я тебя на хороших условиях домоправительницей в какую-нибудь купеческую семью. Ты ведь, болярыня, крещеная — вот и будешь жить в соответствии с заветом. Нижайший здесь — велик Там. Помнишь?

Он улыбнулся еще раз — на этот раз презрительно — и повернулся к ней спиной.

— А теперь иди, — сказал он.

Слез не было. Давно все вышли.

ГЛАВА 3

Строитель Детин

Возражения против постройки моста через Волхов были такие: раньше жили без моста и теперь проживем. Зачем нам мост, помилуйте, люди добрые? По нему к нам

придут враги. И что там такого, на другой стороне Волхова, чего здесь у нас нет, чего ходить туда-сюда? А если и есть там чего такое, то можно заплатить перевозчику, вон трое сидят на берегу. Надо же — мост. Подумаешь.

Все это было так, но если продолжить эту логическую цепочку дальше, можно заодно сказать, что и без домов живут люди, и без улиц, и без церквей, и даже без торга. И голым можно ходить, и сидеть, когда тепло. И без огня прожить можно, и без коров, и без свиней, и курей. И без греков. Некоторые даже без баб жить умудряются, но это слишком. От бабы человеку утешение. Правда, и морока — тоже, но тут уж ничего не поделаешь — задарма, просто так, не утетишься, такого никогда не было.

Житник ничего не имел против постройки моста, несмотря даже на то что инициатива исходила от Ярослава (а это было плохо — Ярослав вел себя все инициативнее, вмешивался в управление, говорил какие-то несурзанности с глубокомысленным видом, смущал народ). Тем не менее, как все люди с большими амбициями, Житник склонен был благоволить грандиозным проектам, и идея ему нравилась.

Возникло затруднение — Яван, которого Ярослав неизвестно откуда и зачем приволок в Новгород и рекомендовал Житнику (и Житнику Яван, как только он убедился, что он не спьен, но действительно человек знающий и умелый, понравился), только начал разбираться с городскими финансами, и в казне не было пока что достаточного количества денег. А строить Ярославу очень хотелось. Поэтому было решено, что богатый местный купец возьмет на себя половину расходов, а за это его (купца) освободят от дани на время постройки, и с каждого переходящего через мост двое стражников будут взимать плату, половина которой перечисляться будет купцу. Помимо этого, на другой стороне Волхова планировали построить Новый Торг и даже начали уже ровнять землю и ставить заграждения и аркаду. Сговорились с купцом по имени Детин — человеком известным, несказанно богатым, средних лет, степенным, начинавшим в свое время с торговли

шелком, но с тех пор приобретшим долю во всех торговых и строительных предприятиях города, включая Готский Двор. Ярослав послал Явана к Детину, и они долго торговались, приводили доводы, красноречиво скорбели по поводу нежелания собеседника понимать, о чем речь, но пришли в конце концов к соглашению. Большой выгоды Детин для себя в постройке моста и Нового Торга не видел, рассчитывал потерять скорее, чем приобрести, но согласился из тщеславия.

Нашелся временно мыкающийся без дела итальянский зодчий, за четыре дня представивший князю, Детину и Явану план постройки и какие-то мудреные расчеты и, конечно же, смету. Ярослав, опершись на сверд и поглядывая на итальянца, рассматривал рисунки.

— А это что такое? — спросил он неожиданно по-итальянски.

— А это, — ответил италиец, — стоимость каждой секции, подетально. Приблизительная, конечно же.

— Яван? — сказал Ярослав.

Яван, с сомнением порассматривав итальянскую цифирь, сказал:

— Сожалею. Я в этом совсем не разбираюсь.

Но оказалось, что разбирается Детин. Внимательно изучив каждый пункт сметы, поглаживая бороду, он начал задавать вопросы, и италийцу пришлось признаваться в некоторых ошибках, которые и не ошибки были вовсе, но допущения, хотя почему-то все допущения были в пользу италийца, а не княжеской казны. Когда они дошли до конца сметы, Детин вернул ее италийцу и пожал плечами.

— Мошенник, — объяснил он.

Ярослав подумал, посмотрел на Явана (тот кивнул) и обратился к италийцу:

— Перепиши наново. Без глупостей. Не то мы тебя выпорем прилюдно.

Через день италиец представил честную смету. Наняты были холопы и укупы, большей частью деревенские. Их хозяевам заплатили за пользование.

* * *

Люди Дитина позвали его на место строительства. Случилось несчастье.

Первая секция моста стояла почти готовая, и, используя ее, строители подтягивали балки для второй. Сельские холопы, составляющие большинство рабочих, очень затыгивали процесс, к великому неудовольствию зодчего. Привыкшие в лесах своих, вдали от городской толчеи, к размеренной жизни, проявляли они тугодумие и лень и даже хамили зодчему, плохо понимавшему их деревенский диалект. Ратники, охранявшие строительство и следившие, чтобы население не растаскивало для домашних нужд стройматериалы, только посмеивались.

Какой-то деревенский укуп, прибывший в Новгород на заработки, проходил мимо, засмотрелся на происходящее и вдруг признал в одном из рабочих старого знакомого.

— Меняло! — крикнул он.

Меняло держал в это время веревку, закинутую через поперечник. Другой конец веревки поддерживал в равновесии укладываемую балку. Увидев знакомого, он восхищенно крикнул: «Дервак!», выпустил веревку и пошел на встречу. Тяжелая балка качнулась, сбила противовес, жакнула тараном в тройную сваю, которая накренилась и стала заваливаться набок. Треснули временные перекрытия, посыпались леса, и один из поперечников, плохо закрепленный, временный, рухнул вниз, раскроив одному из рабочих, возившемуся у сваи, череп. Еще трое рабочих попадали в реку. Правая половина секции поползла и дала крен.

Зодчий схватился за голову. Толпа зевак, присутствующая на берегу, начала стремительно расти.

Прибыв на стройку, Дитин одним взглядом оценил положение. Удостоверившись, что тот, кому балка упала на голову, мертв, а трое упавших в реку невредимы, он послал одного из своих людей в Готский Двор. Купцы указали послу, где живет еще один италийский зодчий, и вскоре он, зодчий, появился у моста. Дитин обратился к первому зодчему.

— Все рисунки и цифирь передай ему немедленно, — сказал он, указывая на новоприбывшего зодчего. — Пойдешь потом в детинец, к Явану, объяснишь, что произошло, он тебе заплатит столько, сколько тебе причитается.

— Я хороший зодчий, — сказал несчастный италиец.

— Я знаю, — сказал Детин. — Беда вот только, что после сегодняшнего тебя никто здесь слушать не станет. Всего доброго. — Он повернулся ко второму зодчему: — Планы ты видел?

— Да.

— Приступай.

— Мне бы хотелось кое-что изменить в планах, — сказал второй зодчий, очень чисто говоривший по-славянски.

— Что именно?

— Угол арки рассчитан неверно.

— O diavolo! — крикнул первый зодчий. — Maligno bugiardo! Va' fa' un culo!¹

— Под стражу возьму, в темницу посажу, — пригрозил Детин. — Иди.

Несчастный зодчий ушел.

— Что-то насчет угла арки, — напомнил Детин.

— Да, — сказал новый зодчий, глядя вслед уходящему. — С таким углом мост года не простоит.

— Почему?

— Давление распределено неправильно.

— Что нужно сделать, чтобы поправить?

— Разобрать первую секцию и собрать снова.

Детин посмотрел на накренившуюся секцию.

— Разбирай, — сказал он. — Эй, вы! Холопья! Да, вы все. Идите все сюда. Живо.

Они приблизились, не смея глядеть в глаза Детину — кроме виновника происшествия, который не осознавал толком, что он виноват. Он случайно выпустил веревку — с кем не бывает.

— Ты и ты, — Детин указал на двух из двадцати. — Похороните тело.

---

¹ О дьявол! Злобный лжец! Пошел в арсель! (итал.)

Отдав еще несколько распоряжений и велев выпороть непонятливого виновника и отправить его обратно к хозяину, Детин невозмутимо проследовал степенным шагом вдоль берега на север, где у самой окраины, на месте сгоревшего Евлампиева Круга, строилась нынче церква. Место, на взгляд Детина, выбрано было неудачно, и поэтому в постройке он участия не принимал.

На травянистом крутом склоне, ведущем к Волхову, сидела женщина в не очень чистой, изначально небогатой одежде. Детин принял ее было за отбившуюся от трупы скomorошку, но что-то привлекло его и в позе, и в осанке женщины. Приблизившись, он понял, что хорошо ее знает.

— Любава? Ты ли это? — спросил он.

Женщина обернулась.

— Здравствуй, — сказала она равнодушно и снова стала смотреть на Волхов.

— Почему ты в таком виде? Что ты здесь делаешь? Как муж твой, здоров ли?

— Муж мой погиб, — сказала она.

Детин снял сленгкаппу, разложил ее рядом с Любавой и сел. Он не предложил Любаве переместиться с травы на сленгкаппу — не потому, что был плохо воспитан, но в виду практичности своей, справедливо решив, что, в отличие от его шелковых портов, одежда Любавы не стоит, чтобы о ней чрезмерно заботились.

— Что случилось? Тебе трудно говорить?

Они были знакомы раньше. Происхождения Детин был низкого, дед его состоял холопом в окрестном селеении. Несмотря на это, будучи человеком деловым, умным, деятельным и удачливым, сделался Детин однажды сперва богат, а затем так богат, что отказывать ему в приеме не смел ни один новгородский боярин. И даже Яван, разобравшись по наущению Ярослава с делами Детина и нашедший в них много интересного, решил не докладывать об этом интересном князю до поры до времени — треть денежного оборота города проходила через руки Детина, и с ходу, без подготовки, вступить в борьбу

с этим предпринимателем означало бы поставить под угрозу благосостояние всей северной столицы.

Любаву Детин встречал часто — на празднествах, в церкви, на званых обедах — и был хорошо знаком с ее мужем, боярином знатным, но не чуждым торговли — через подставных лиц, разумеется, — и строительства. Северо-западный хувудваг, связывающий Новгород с Балтикой, они улучшали и укрепляли вместе, экономя любимыми, часто жестокими, методами княжеские средства и деля пополам солидные барыши.

— Говорить? — Любава грустно улыбнулась. — Говорить...

Она не знала, стоит ли говорить, но была она на грани полного изнеможения, а Детин — первый за долгое время проявил к ней сочувствие.

И рассказала она ему все, что помнила сама. Рассказала о том, как муж решил перебраться на время в Константинополь. Как они ехали с пятью холопами — сперва на ладье, потом в повозке, потом снова на ладье. Как в Таврическом Море ладью, следующую вдоль живописного берега, атаковали пираты. Как перебили они, пираты, всех, а ее, Любаву, забрали себе на корабль и приковали цепью в трюме. Затем следовал в памяти Любавы неприятный провал, смутно представлялись какие-то греческие священники, кони, повозки. После этого ясно помнила она двух немецких купцов, которые доставили ее в Новгород и поехали дальше, в Швецию, а может, Данию. Рассказала Любава Детину, как ей отказал от дома брат, а затем, поглумившись, выгнал из детинца Житник, он же посадник Константин.

— Стало быть, — сказал Детин, — Константин набивался тебе когда-то в любовники? Прости, что спрашиваю прямо, но мне нужно это знать.

— Да.

Некоторое время Детин молчал.

— Слушай меня, Любава, — сказал он наконец. — Я скажу тебе сейчас нечто очень важное и умоляю тебя не обижаться на меня — ни унижить, ни оскорбить тебя не

входит в мои намерения, совсем наоборот. Ты попала в огромную немилость. Возможно, твой брат вовсе не случайно тебе отказал. Но это сейчас не важно. Важно другое. Я к тебе неравнодушен. Давно.

Любава посмотрела на него затравленно.

— И ты об этом знаешь, — продолжал он. — Первый раз я видел тебя два года назад, на Пасху. Ты была уж венчана. Я заговорил с тобою. С тех пор я искал случая или предлога встретиться.

Он умолчал о том, что купил половину домов на ее улице, равно как и о том, что муж Любавы знал об этом и принял решение переехать на несколько лет в Константинополь вовсе не из болярского каприза.

— К несчастью, я женат, а многоженство не принято более в наших краях, — развил мысль Детин. — Но я мог бы предложить тебе кое-что помимо замужества. А именно — сожитительство.

— Нет-нет, — сказала Любава.

— У меня есть прекрасный дом, как раз между Подолом и детинцем, на Улице Толстых Прях. Ты ни в чем не будешь нуждаться. У тебя будет столько слуг, сколько ты захочешь. У тебя будут любые наряды. Ты сможешь принимать гостей. Я прошу немногого — проводить с тобою три вечера и ночи в неделю.

— Ужасно, — сказала она, закрыв лицо ладонями. — Как страшный сон, который никак не кончится.

— Ничего ужасного. Посмотри на меня. Разве я тебе отвратителен?

Нет, он не был ей отвратителен. Полноват — да. Чуть слишком степенен — да. Простоват лицом. Но чист, хорошо одет, не зол. И уверен в себе, а это всегда очень подкупает женщин.

— Дело не в этом, — сказала она. — Ты предлагаешь, чтобы я стала твоею содержанкой.

— Во все нет, — сказал он. — Что за противное слово! Посмотри мне в глаза. Пожалуйста. Может ли человек, который смотрит на тебя так, как смотрю я, допустить,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторское предисловие	5
Глава 1. БРАТ И СЕСТРА	9
Глава 2. У ЖИТНИКА	17
Глава 3. СТРОИТЕЛЬ ДЕТИН	20
Глава 4. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ	31
Глава 5. ПОРУЧЕНЕЦ	41
Глава 6. ЕДИНОБОРСТВА	44
Глава 7. СОБЫТИЯ НА УЛИЦЕ ТОЛСТЫХ ПРЯХ	57
Глава 8. НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА	74
Глава 9. В ЛЕСУ	102
Глава 10. В ДОМЕ БОЛЯРИНА ВИКУЛЫ	112
Глава 11. ПРЕДЛОЖЕНИЕ	125
Глава 12. ОБМОРОК	132
Глава 13. ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА	142
Глава 14. ТАЛЫЙ КРОГ	160
Глава 15. РЮРИКОВ ЗАСЛОН	176
Глава 16. АЛЬЯНС	186
Глава 17. ВАЖНЫЕ ДЕТАЛИ	205
Глава 18. ОРАКУЛ	216
Глава 19. ДИРОВО ПОСОЛЬСТВО	229
Глава 20. ДИР НЕ ПОНЯЛ, НО С ПЛАНОМ ХЕЛЬЕ СОГЛАСЕН	242
Глава 21. СЛУЧАЙНЫЙ ЗАРАБОТОК	259
Глава 22. ЯРОСЛАВОВЫ МЕТАНИЯ	267
Глава 23. МИНЕРВА	275
Глава 24. СУД	296

Глава 25. НИКАКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ	320
Глава 26. В ДОМЕ ЯВАНА	326
Глава 27. ЧЕТЫРЕСТА ЛУЧШИХ МУЖЕЙ	347
Глава 28. ПОВАР СБЕЖАЛ	366
Глава 29. НАКАНУНЕ СЛЕДУЮЩЕЙ ЭПОХИ	369
Глава 30. СЛЕДУЮЩИЙ ВЕЧЕР	395
Глава 31. ПРЕДЫДУЩЕЕ УТРО	407
Глава 32. У РОТКО ЕСТЬ ДЕЛА ПОВАЖНЕЕ	431
Глава 33. ПРО ЗЯБЛИКА	442
Эпилог	453